

Пуританское благовестие*

Еще в 1918 году официальная англиканская комиссия дала такое определение благовестия: «Так в силе Святого Духа представить Христа Иисуса людям, чтобы они через Него стали уповать на Бога, приняли Его как своего Спасителя и служили Ему как Царю, став частью Его церкви». Если изменить одно слово («*могли* возложить... принять... служить») вместо «возложили... приняли... служили», чтобы благовестие было определено по целям, а не по результатам), то это определение послужит хорошей отправной точкой для настоящего исследования¹.

Вообще, занимались ли пуритане вопросом евангелизации? На первый взгляд может показаться, что нет. Слово «евангелизация» (слово из двадцатого века) отсутствовало в их словаре. Они соглашались с Кальвином, что упомянутые в Новом Завете «евангелисты» – это особая, ныне исчезнувшая группа апостольских помощников, а что касается «миссий», «крусэйдов» и «кампаний», то ни эти слова, ни то, что они обозначают, не были им знакомы. Но мы не должны заблуждаться, полагая, что благовестие не было одной из их главных задач. На самом деле было. Многие из них были выдающимися проповедниками именно для неверующих. Ричард Бакстер, апостол Киддерминстера, вероятно, единственный из них, о ком сегодня многие помнят; но в документах семнадцатого века довольно часто можно прочесть записи подобные этой, о Хью Кларке: «Он родил много сынов и дочерей для Бога»; или этой, о Джоне Коттоне: «Присутствие Господа... увенчало его труды обращением многих душ»². Более того, именно пуритане изобрели евангелизационную литературу. Стоит только вспомнить «Воззвание к необращенным» Ричарда Бакстера и «Предупреждение для необращенных» Джозефа Эллайна (эта книга также известна под названием «Путеводитель в небеса»). Она издана на русском языке издательством миссии «Приди и помоги», 2006. – *Примеч. пер.*), обе книги – выдающиеся работы, пионеры среди таких произведений. А подробное практическое рассмотрение темы обращения в пуританских книгах считалось в остальном протестантском мире семнадцатого века чем-то необычайно ценным. Два пуританских деятеля писали:

Одно из славных достижений протестантской религии состоит в том, что она возродила учение о *спасающем обращении*, и о *новом творении*, от него происходящем. <...> Но еще более замечательным образом Бог воздал честь служителям и проповедникам нашей страны, которые повсюду известны за их утонченные исследования и открытия по этому вопросу³.

Дело в том, что с течением времени в протестантском христианстве развились две различные концепции или разновидности благовестия. Мы можем назвать их «пуританским» и «современным» благовестием. Сегодня мы настолько привыкли к современному типу благовестия, что едва ли даже признаем за благовестием другой тип. Чтобы нам полнее уловить характер пуританского типа благовестия, я здесь изложу его в сравнении с современным типом, который в нашу эпоху намного больше распространен.

1

Итак, давайте начнем с характеристики современного типа благовестия. Складывается впечатление, что среди его предпосылок есть представление о жизни поместной церкви как о цикле попеременных этапов обращения и укрепления. Евангелизация практически приобретает характер периодических вербовочных мероприятий. Она становится необычным и редким занятием, дополнительным и вспомогательным по сравнению с

* Данная статья представляет собой главу, взятую из книги. *A Quest for Godliness* by J.I. Packer (Crossway Books: Wheaton, IL, 1990) с. 291-308. Используется с разрешения Crossway Books, a publishing ministry of Good News Publishers, Wheaton, IL USA 60187, www.crossway.org. Пер. с англ.: А. А. Паугас.

обычной жизнью поместной церкви. Назначаются отдельные специально организованные собрания, и обычно проводить их приглашают особых проповедников. Часто их называют «собраниями», а не «богослужениями», в некоторых местах – «собраниями пробуждения»; в любом случае, их считают отдельными и отличными от обычных собраний для поклонения Богу. На таких собраниях все направлено на то, чтобы обеспечить для неверующих незамедлительное, сознательное, решительное проявление веры в Иисуса Христа. В конце собрания просят, чтобы те, кто принял решение или хочет его принять, прошли вперед для душепопечения, или подняли руку, или заполнили анкету, или еще что-то подобное, что послужит открытым свидетельством об их новом решении. Это, как утверждается, благотворно для них, поскольку помогает им утвердиться в своем «решении», и, кроме того, дает возможность связаться с ними для «дальнейшей работы». Таких людей затем сразу направляют в поместные церкви в качестве новообращенных.

Такой тип благовестия был предложен Чарльзом Финнеем в 1820-е годы. Он ввел «затяжные собрания» (т.е., интенсивные евангелизационные кампании), «скамью для встревоженных», предшественницу комнаты душепопечителя, когда первый ряд оставляли свободным, чтобы в конце собрания «встревоженные могли подойти для дополнительной беседы... иногда для индивидуального разговора». В конце своей призывной проповеди Финней мог сказать: «Вот скамья для встревоженных; выходите и заявите о своем решении встать на сторону Господа»⁴. Таковы были вызвавшие сильное противодействие «новые меры» Финнея.

Финней, некогда школьный учитель и юрист, пришел к вере в возрасте двадцати девяти лет и сразу же занялся благовестием. Эрудированный и настойчивый, красноречивый и представительный, ревностный и независимый, он придерживался идеи Эдвардса насчет пробуждений как циклических божественных посещений (см. ниже гл. 19) и, в то же время, подвергал сомнению положение Эдвардса, что человек не может ускорить пробуждение, и полностью отвергал присущее Эдвардсу августинско-реформатско-пуританское учение о полной неспособности – учение, что падший человек совершенно неспособен покаяться, верить или сделать какое-либо духовно доброе дело без возрождающей благодати.

Хотя он и признавал, и даже отстаивал учение о всеобщей греховности человека в смысле постоянной склонности к греху, он откровенно и осознанно придерживался пелагианской позиции, когда подчеркивал, что каждый человек по природе способен от всего сердца обратиться к Богу, если только его убедить, что это правильный, стоящий и необходимый поступок. Соответственно, Финней понимал, что вся работа Духа при обращении сводится к нравственному убеждению, то есть, к тому, чтобы ясно показать в нашем сознании причины сложить оружие мятежников и сдаться на милость Бога. Человек всегда волен отвергнуть это убеждающее действие: «Грешники могут пойти в ад вопреки Богу». Но чем сильнее убеждение, тем больше вероятность, что оно сможет сломить сопротивление. Следовательно, любые средства повышения силы, с которой истина воздействует на сознание – будь то самое неистовое возбуждение, самое душераздирающее смятение, самый будоражащий переполох на евангелизационных собраниях – вполне уместны. Финней рассказывает об этом в своей первой лекции о пробуждении:

Ожидать распространения религии без возбуждения – необоснованно и абсурдно... Пока в мире нет религиозного принципа, достаточного, чтобы подавить нерелигиозное возбуждение, напрасно пытаться распространять религию, разве только противодействующим возбуждением. <...> Нужно возбуждение, достаточное, чтобы пробудить дремлющие нравственные силы...⁵

Более того, поскольку каждый, если только он пробудит свои «дремлющие нравственные силы», может в любой момент отдаться Богу и стать христианином, то задача и обязанность благовестника – всегда призывать к немедленному принятию решения и посвящению. «Я старался запретить их, – говорит Финней о типичной призывной проповеди, – представить веру и покаяние, как то, чего Бог требует от них... сейчас же, немедленно принять Христа»⁶.

Кажется, не будет преувеличением сказать, что для Финнея проповедь благовестника была сражением между его волей и волей слушателей, в которой его задача – привести их к критическому моменту.

Итак, если учение Финнея о естественном состоянии грешного человека верно, то его методы благовестия тоже следует признать верными, потому что, как он часто утверждал, «новые меры» хорошо подходят для достижения поставленной цели. «Именно в таких действиях пелагианская система естественным образом выражает себя, если она стремится стать напористо благовествующей», – заметил Б. Б. Уорфилд⁷. Но если представления Финнея о человеке неверны, то и его методы должны быть поставлены под сомнение, что в настоящее время весьма важно, ведь именно методы Финнея, видоизмененные и адаптированные, характерны для основной массы современного благовестия. Я не утверждаю, что все пользующиеся ими – пелагиане; но я действительно ставлю вопрос о том, согласуется ли их использование с каким-либо учением, кроме учения Финнея, и я попытаюсь показать, что если отвергнуть учение Финнея, то такие методы в какой-то мере непригодны, и даже пагубны для подлинной цели благовестия. Кто-то может сказать, что их использование оправдано полученными результатами, но истина в том, что большинство «обращенных» Финнеем отступили от веры и отпали, и после Финнея, по-видимому, то же самое происходит с большинством людей, чье «решение» было обеспечено такими же средствами. Большинство современных благовестников, как кажется, уже перестали ожидать, что из «обращенных» ими будет выживать больше, чем очень маленький процент. Поэтому, не столь очевидно, что полученные результаты оправдывают восходящие к Финнею методы. Позднее я покажу, что эти методы имеют естественную тенденцию приносить урожай ложных обращений, что они, очевидно, и делают.

2

Пуританский тип благовестия, с другой стороны, был и продолжает быть последовательным практическим выражением пуританской точки зрения, что *обращение грешника – это суверенное действие Божьей благодати и силы*. Позвольте объяснить.

Пуритане не употребляли образных выражений «обращение» и «новое рождение»/«возрождение» в качестве формальных терминов, и употребление их слегка меняется от автора к автору; но большинство считали эти слова синонимами, обозначающими процесс, который формально назывался *действенным призыванием*, где *призвание* – это его библейское название в Римлянам 8:30; 2 Фессалоникийцам 2:14; 2 Тимофею 1:9, а прилагательное *действенное* добавлено, чтобы отличить его от недейственного внешнего призвания, упомянутого в Матфея 20:16; 22:14. В «Вестминстерском исповедании» 10:1 «призвание» помещено в своей богословской перспективе при разъяснительном пересказе 8:30:

Всех, кого Бог предопределил к вечной жизни, и только их, Ему угодно в определенное и соответствующее время призвать Своим Словом и Духом из состояния греха и смерти, в котором они находятся по природе, – к благодати и спасению чрез Иисуса Христа.

В «Кратком катехизисе Вестминстерской ассамблеи», вопрос 31, приводится следующее объяснение:

Действенное призвание является работой Духа Божьего, убеждающего нас в наших грехах и нашем бедственном положении, просвещающего наш разум познанием Христа, обновляющего волю, убеждающего и позволяющего нам принять Иисуса Христа, свободно предлагаемого нам через проповедь Евангелия.

Об этом *действенном призвании* следует сказать три вещи, если мы действительно хотим уловить пуританскую точку зрения.

(1) Это *проявление Божьей благодати*. Это не то, что человек может сделать сам для себя или для другого. Это первый этап в приложении искупления к тем, ради кого искупление было совершено; это событие, посредством которого избранный грешник, на основании вечной, союзной, представительной связи с Христом, утвержденной через избрание и искупление, вводится Святым Духом в реальный, живой, личный союз с Главой завета и Исккупителем. Таким образом, это проявление незаслуженной милости со стороны Бога.

(2) Это *проявление Божьей силы*. Его совершает Дух, действующий как *опосредованно*, при помощи слова, в разуме, даруя понимание и убежденность, так и *непосредственно*, вместе со словом, в сокровенной глубине сердца, насаждая новую жизнь и даруя силу, фактически свергая грех и делая грешника и способным, и желающим ответить на евангельское приглашение. Таким образом, Дух действует как *морально*, с помощью *убеждения* (что признают арминиане и пелагиане), так и *физически*, с помощью *силы* (что они отвергают). («Физически» здесь означает «воздействуя на нашу личность на уровне ниже сознательного», а не «воздействуя на тело в отличие от личности [т.е., души]»). Оуэн пишет:

Есть не только *моральное*, но и *физическое* непосредственное воздействие Духа... на умы или души людей при их возрождении. <...> Действие благодати при обращении постоянно описывается словами, обозначающими действительное внутреннее воздействие, такими как сотворить, оживить, создать, дать новое сердце. <...> Всякий раз, когда об этом говорится в смысле активного воздействия, оно приписывается Богу. Он *творит* нас заново, Он *оживляет* нас, Он *рождает* нас по Своей воле. Но когда о том же говорится с нашей стороны, то используются пассивные выражения: мы *созданы* во Христе Иисусе, мы – *новое творение*, мы *рождены свыше*, и тому подобное. *Одного этого наблюдения достаточно, чтобы целиком ниспровергнуть гипотезу об арминианской благодати*⁸.

«Служители стучат в двери людских сердец, а Дух приходит с ключом и открывает их»⁹. Возрождающее действие Духа, продолжает Оуэн, «несомненно, победоносно, неодолимо, всегда действенно»; оно «устраняет все препятствия, преодолевает всякое сопротивление, и неизбежно приводит к желаемому результату»¹⁰. Благодать *неодолима*, не потому что она влечет грешника к Христу против его воли, а потому что она изменяет сердце человека, так что он «приходит совершенно добровольно, когда Его благодать дает ему желание»¹¹.

Пуритане любили останавливаться на библейском представлении о божественной силе, творчески проявляющейся в действенном призвании, что Гудвин часто называл одним «постоянным чудом» в церкви. Они соглашались, что обычно обращение бывает не особенно зрелищным событием; но Гудвин отмечает, что иногда оно именно такое, и утверждает, что Бог тем самым демонстрирует нам, можно сказать, на показательном примере, насколько велико проявление силы в действенном призвании каждого христианина. Гудвин пишет:

В призвании некоторых людей совершенно неожиданно проглядывает *призвание избрания* (как я его называю). Вы словно бы видите, как избрание завладевает человеком, выхватывает его с огромной силой, ставит на нем отпечаток божественной природы, под корень обрубают греховную природу, искореняет себялюбие, облакает в принцип любви к Богу, и с первого же дня направляет его дальше как новое творение. <...> Так было с Павлом, и после него не обошлось без подобных примеров¹².

Такие яркие обращения, говорит Гудвин, это

видимые знаки избрания через такое действие призвания, какого не могут произвести над душой человека все силы небес и земли, будучи неспособны изменить человека столь внезапно, а может лишь божественная сила, сотворившая мир и воскресившая Христа из мертвых¹³.

Почему пуритане так возвеличивали живительную силу Бога, ясно из приведенных цитат: потому что они очень серьезно относились к учению Библии, что человек *мертв* в грехах (Еф. 2:1, 5; Кол. 2:13), духовно бессилен (Ин. 3:3, 5; 6:45; Рим. 8:7; 1 Кор. 2:14), крайне развращен, беспомощный раб греха (Рим. 3:9; 6:20-22). Грех обладает такой силой, считали они, что только Всесильный может разорвать его оковы; только сотворивший жизнь может оживить мертвых. Чтобы превозмочь полную неспособность, требуется полная суверенность.

(3) Действенное призвание – это *проявление Божьей свободы*. Только Бог может совершить его, и делает Он это по Своему благоволению. «... Не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. 9:16). Оуэн размышляет об этом в проповеди на Деяния 16:9, озаглавленной «Видение неизменной, незаслуженной милости, явленной чрез ниспослание средств благодати недостойным грешникам»¹⁴. Сначала он формулирует принцип:

Все события и результаты, особенно в том, что касается распространения евангелия и Церкви Христовой, при всем своем разнообразии управляются вечным Божьим замыслом и советом.

Затем он приводит иллюстрацию. Некоторым послано евангелие, а некоторым нет.

В этой главе... не было позволено проповедовать евангелие в Азии или Вифинии; и такое ограничение от Господа по Его провидению продолжается для многих частей мира, [тогда как] другим народам евангелие послано... как в нашем тексте, в Македонию; также и в Англию.

Почему такая дискриминация? – спрашивает Оуэн. Почему слышат лишь некоторые? А когда евангелие уже услышано, почему мы видим

различные результаты, так что одни остаются нераскаянными, а другие искренне принимают Иисуса Христа? <...> Также, когда благодать действительно проявляется в обращении и спасении... то, как вы думаете, откуда берется то правило или предписание... согласно которому она должна быть направлена Иоанну, а не Иуде; Симону Петру, а не Симону волхву? Конечно, только от этого дискриминирующего предвечного Божьего совета. <...> Замысел Божьего избрания – вот правило для распределения спасающей благодати¹⁵.

Джонатан Эдвардс, пуританский благовестник, родившийся позже своего времени, часто утверждал то же самое. В типичном для него отрывке из проповеди по Римлянам 9:18, он перечисляет следующие пути, как Божья суверенность (определенная как «Его абсолютное право распоряжаться всеми созданиями как Ему угодно») проявляется при распределении Его благодати:

(1) В призвании одной нации или народа, и даровании им средств благодати, и в оставлении других без них. <...> (2) В преимуществах, какими Он наделяет отдельных людей [напр., христианская семья, сильное служение, непосредственное духовное воздействие, и т.д.]. <...> (3) В даровании спасения тем, у кого было мало преимуществ [напр., детям нечестивых родителей, тогда как дети благочестивых не всегда спасаются]. <...> (4) В призвании к спасению некоторых, которые были гнусными грешниками, и в оставлении других, которые были высоконравственными и религиозными людьми. <...> (6) В спасении только некоторых из искавших спасения, но не остальных [т.е., в приведении некоторых обличаемых грешников к спасительной вере, тогда как остальные ее никогда не обретают]¹⁶.

Это проявление суверенности, утверждает Эдвардс, славно: «Отчасти слава Божьей милости состоит в том, что это суверенная милость».

Вероятно, ни один проповедник пуританского направления не выделял Божью суверенность так, как Эдвардс. Тем не менее, его проповедь была плодотворной в плане благовестия. Его церковь, когда он нес там служение, была охвачена духовным пробуждением, и о времени пробуждения он говорит:

Я думаю, что нашел, что никакие речи не были столь *приметно благословенны*, как те, в которых учение об *абсолютной* суверенности Бога в связи со спасением грешников, и о Его *праведной свободе* в связи с ответом на молитвы и с осуществлением планов плотских людей, остающихся таковыми, было твердо высказано¹⁷.

Здесь, пожалуй, найдется пища для размышлений.

Суверенная Божья свобода проявляется также во *времени* обращения. Писание и опыт показывают, пишет Гудвин, что

великий Бог ради святых и славных целей, но в особенности... чтобы сделать явной Свою любовь и благодать, Свою милость и благодать, определил так, что многие Его избранные люди определенное время остаются в состоянии греха и гнева, и затем Он обновляет их для Себя¹⁸.

Ни в коем случае не человек, но всегда именно Бог определяет, когда уверует избранный грешник.

И в *способе* обращения Бог также суверенен. Пуритане учили, что обличение в грехе, знание о том, что грех приносит вину, осквернение, что он отвратителен, и что Бог недоволен этим, должно предшествовать вере, потому что никто не придет к Христу, чтобы обрести спасение от греха, пока не будет знать, от каких грехов его нужно спасти. Это пуританская «подготовка» к вере, часто неверно понимаемая как ограничение доступа к Христу, тогда как на самом деле только она открывает двери доступа к Нему. Обязательно должна быть, говорили пуритане, *контриция* о своих грехах, в точном средневековом смысле этого слова (т. е., сокрушение о своих грехах и ненависть к ним как к бесчестящим Бога и оскверняющим себя, так что появляется горячее желание быть избавленным от них); в противном случае невозможно по-настоящему, искренне и чистосердечно прийти к Христу за спасением от власти греха, а так же от наказания за него, а евангельский призыв к вере и покаянию требует сделать именно это. Мудрые проповедники и душепопечители, таким образом, не будут обходить стороной этот необходимый подготовительный процесс, но будут продолжать указывать совести ищущего на греховность его грехов и на глубину его потребности не только быть прощенным, но и быть приведенным к святости, до тех пор, пока они не смогут увидеть, что он действительно разлюбил грех; и тогда они укажут ему на Спасителя. Такова, говорили пуритане, пасторская методика, которую диктует знание того, каким образом Бог действует при обращении. По их мнению, худший совет, который только можно дать ищущему человеку, это сразу сказать, чтобы он не беспокоился о своих грехах и доверился Христу, когда этот человек еще не увидел своей греховности в подробностях и еще не пришел к чистосердечному желанию оставить все греховные пути и обрести святость. Дать такой совет, считали они, прежде, чем сердце отлепится от греха, значит проложить путь для ложного умиротворения и ложных надежд, и тем самым произвести «евангельских лицемеров», а это самое последнее, чего хочет добиться христианский душепопечитель.

Но на протяжении всего процесса подготовки следует признавать свободную Божью суверенность. Бог не обращает взрослых людей без подготовки, подобной описанной выше, но в рамках этого принципа есть большое число вариаций: «Не всем людям Бог сокрушает сердца одинаково»¹⁹. Некоторые обращения, как говорил Гудвин, во всех отношениях внезапны; подготовка происходит за один момент. Некоторые – надолго затянувшиеся,

когда проходят годы, прежде чем ищущий находит Христа и обретает мир, как в случае Беньяна. Невозможно установить правило, как долго или как интенсивно Бог будет хлестать каждого грешника бичом обличения. Прежде чем произойдет обращение, обязательно должно быть сокрушение. Процесс действенного призвания будет протекать так быстро, как желает Бог, но не быстрее, и роль душепопечителя, соответственно, это роль акушера, чья задача – смотреть, что происходит, и на каждом этапе оказывать уместную помощь, но который не может ни предсказать, ни, тем более, запланировать, насколько стремительно будут протекать роды.

3

У пуритан благовестием занимались пасторы, причем у них было много невольных слушателей (в то время посещение церкви было частью общественной жизни народа), и для пасторов благовествовать людям, постоянно сидящим на скамьях в церкви, было не более и не менее, чем основной частью их более широкой задачи по назиданию всей общины во Христе. Программа их благовестия не была намного подробнее, чем следующее: преподавать и применять Писание терпеливо и тщательно, различными способами возвещая всю волю Божию, но постоянно возвращаясь к трем темам. Первая тема – широта и долгота, глубина и высота нужды каждого человека быть обращенным и спасенным. Вторая тема – широта и долгота, глубина и высота любви Бога, Который отправил Своего Сына на крест за грешников, и любви Христа, Который со Своего престола призывает к Себе обремененные души, чтобы они спаслись. Третья тема – взлеты и падения, преграды и ловушки, которые ждут нас на пути от невежественного самодовольства по поводу своего духовного состояния к осведомленному отчаянию, ведущему к осмысленной и чистосердечной вере во Христа. Пуританский способ раскрыть эту третью тему состоял в том, чтобы постоянно повторять на все лады четыре истины: *обязанность* принять Иисуса Христа как Спасителя и Господа; *опасность* обустроиться в религии ради чего-то меньшего; *невозможность* прийти к Христу без обновляющей благодати; и *необходимость* испрашивать эту благодать из руки Самого Христа. В формальной обстановке с кафедры и в неформальной через личное наставление они подчеркивали постоянную обязанность необращенных искать Христа; но они не считали, что это подразумевает их постоянную способность принять Христа для спасения, и поэтому они не повелевали всем неверующим тут же «сделать выбор в пользу Христа» (популярная современная фраза), и не делали призывов, которые открыто называли бы «дающими возможность» сделать такой выбор. Просто они не считали, что Бог послал их или посылает кого-то еще, чтобы говорить в собрании, что Бог требует от каждого принять Христа по окончании проповеди.

Это именно тот момент, в котором пелагианство подвело Финнея, а пример Финнея с тех пор подвел многих. Будучи уверен, что каждому по силам в любой момент принять Христа, Финней приравнивал немедленный отклик, которого евангелие требует от всех, к немедленному обращению всех. Но из-за такого приравнивания стало невозможно не нанести вреда некоторым душам. Если говорить людям, что они обязаны тут же принять Христа, и от имени Бога требовать немедленного решения, то некоторые духовно неподготовленные люди выйдут вперед, выслушают указания, сделают «все как положено» и уйдут, думая, что приняли Христа, тогда как на самом деле они не приняли Его, потому что еще не были способны этого сделать. Поэтому результатом такой тактики *по самой ее природе* будет урожай ложных обращений. Если выбивать «решения», то, на самом деле, это может затруднять и стеснять действие Святого Духа в сердцах людей. Когда благовестник берет на себя смелость пытаться сорвать плод, пока он еще не созрел, типичным результатом будет ложное обращение и ожесточение. Приемы «быстрого сбыта» при благовестии все время имели тенденцию к такому эффекту бумеранга; их отдаленным результатом обычно бывает бесплодие. Не без причины одна местность, где сначала

потрудились Финней, позднее была названа «выжженным районом». Финнеизм, пытаясь поднять целину, вместо этого приводит к иссушению почвы, к ослаблению, а не к усилению восприимчивости к евангелию.

Конечно, всегда найдутся отдельные люди – сам Финней, Ричард Бакстер, Джордж Уайтфилд, Джон Уэсли, Дуайт Мооди, Чарльз Сперджен, Джон Санг, Билли Грэм, Луис Палау (это имена, которые сразу приходят в голову) – чьи дары и личные качества Бог использует особенным образом, чтобы через необходимую подготовку привести взрослых людей к сознательной вере в Христа. Таких людей действительно стоит называть евангелистами. Но обладание даром евангелиста не обязывает человека принимать ложные принципы и дефектные методики для выполнения задачи благовестника. Совсем не обязательно делать все то, что делал Финней, просто потому что Финней делал это, и незачем полагать, что характерные для Финнея методы – это лучший вариант, просто потому что Финней так полагал. Дело благовестия в каждом поколении следует делать по-новому, а сегодня половине человечества еще не было проповедано евангелие. В то время как либерализм в церквях угасает, евангельское христианство постепенно набирает силу, и в евангельском христианстве сейчас поднимается ревность по проповеди евангелия, и за все это мы должны благодарить Бога. Но из-за этого растущего внимания к благовестию становится особенно важным тщательно продумать принципы и методику будущих действий. Обдумывая этот вопрос, нам надо рассмотреть следующие факты.

На протяжении прошедшего столетия нашумевшая финнеевская методика – евангелизация «приступами», крупномасштабными краткосрочными специально подготовленными и разрекламированными «кампаниями» или «крусэйдами» – широко экспортировалась из Америки по принципу, который кажется христианским эквивалентом мирского девиза: «Что хорошо для Джeneral Моторс, то хорошо для всего мира». Против этой методики было направлено немало критики, подобной изложенной в этой главе, что побудило некоторых из ее приверженцев (не всех) проявить осторожность, чтобы не показалось, что они приняли за чистую монету евангельское пелагианство, которое естественным образом подразумевается во внимании этой методики к безотлагательному принятию решения. И все же Бог, по милости благословляющий истину, даже когда заблуждение идет с ней бок о бок, постоянно использовал финнеевские мероприятия, чтобы привести к твердой и продолжительной посвященности тех людей, которые до этого были затронуты служением слова в церкви и/или свидетельством верующих друзей. Хотя негативные последствия в виде ложных обращений были трагически и скандально тяжелыми, финнеевские «затяжные собрания» по всему миру тем или иным путем принесли ощутимую духовную прибыль, и это показывает, что они просто не находятся под Божьим проклятием, а Билли Грэм, использующий видоизмененный вариант финнеевской формулы, был одной из самых заметных фигур на арене мирового христианства за последние годы. (Можно так говорить и при этом не перестать считать, что могли бы быть разработаны лучшие этой методики, точно так же, как можно с благодарностью признать множество подлинных обращений через массовый евангелизм и при этом не думать, что те, кого это касается, никогда бы не обратились в другом случае.) В свете этих фактов представляются очевидными следующие выводы.

Во-первых, плодотворность современного типа благовестия всегда будет зависеть, при обычных обстоятельствах, от предшествующего воздействия на собранную им аудиторию пуританского типа благовестия – более долгосрочного, основательного, углубленного, сосредоточенного вокруг церкви, общины, дружбы, ориентированного больше на поклонение и меньше на развлечение. Скорее всего, современное благовестие сможет пожать урожай только там, где прежде был посев пуританского благовестия.

Во-вторых, пуританский тип благовестия, когда евангелие верно проповедуют и преподают долгий период времени, когда в применении признают наличие ряда отдельных шагов и этапов, через которые чаще всего проходит путь человека к вере, когда опираются

на уверенность, что Бог даст плод по-своему и в свое время, совершенно необходим, всегда и повсюду; и современное благовестие должно оправдать себя, если вообще должно, как разумное дополнение к пуританскому благовестию, а не как его замена.

В-третьих, занимающиеся пуританским благовестием, признающие Божью суверенность в привлечении людей к вере, кажется, иногда теряют интерес к тому, чтобы видеть обращения в своем служении, тогда как занимающиеся современным благовестием, кажется, иногда воображают, что кроме них ни один проповедник не желает обращения грешников. И то, и другое умонастроение следует заклеить как неприемлемое, и отвергнуть: первое, потому что оно нечестивое, а второе, потому что оно необоснованное.

В-четвертых, когда намечаются мероприятия по евангелизации «приступами», проповедники и душепопечители поступят мудрее всего, если, продолжая подчеркивать, что необходимо безотлагательно искать Христа и стать истинным и полноценным христианином, они будут направлять интересующихся на занятия для новообращенных, группы роста и богослужения, и отмечать, что участие в них – надлежащий способ проявить искренность покаяния и посвященности, вместо того, чтобы создавать впечатление, что немедленный «выбор» как самостоятельное действие – это все, что требуется, чтобы навсегда решить вопрос о вечности. В том, что упование на Христа в обновленном сердце действительно навсегда решает вопрос о вечности, нет никакого сомнения, но не все интересующиеся достигают такого момента, когда они сами будут способны пережить эту истину через подлинный «выбор», хотя они могут думать, что способны. Поэтому совершенно необходимо предусмотреть механизм для последующего наставления, для помощи находящимся на пути к обращению, точно также, как и механизм для «дальнейшей работы» с обратившимися. Но, допуская пелагианскую ошибку, люди могут не видеть этой необходимости, и нет никакого сомнения, что в тех кругах, где за прошедшее столетие практиковалось современное благовестие, постоянно так и было.

4

Принципы оказывают на нас еще большее воздействие, когда мы видим их воплощенными в людях, которыми мы восхищаемся. Соответственно, я завершаю мой одобрительный отзыв о пуританских принципах благовестия, еще раз представляя самого выдающегося и привлекательного, и, к счастью, самого доступного, из пуританских благовестников, Ричарда Бакстера, о чьем служении в Киддерминстере уже упоминалось выше²⁰. Одаренный, горячий, красноречивый, искренний, великодушный, пронизательный и всецело преданный славе Божьей и благу людей, Бакстер стоит в одном ряду с Августином, Лютером, Беньяном, Уэсли и Финнеем (если не заглядывать дальше) по своей способности к непринужденной откровенности на бумаге. Через пять или шесть лет после того, как он покинул Киддерминстер, в повествовании о проведенных там днях, которое он записал «в похвалу своему Искупителю» и «на благо тех, кому будет полезен опыт других людей в руководстве невежественными и греховными приходами»²¹, Бакстер обильно рассказывает о себе, и так же он делает в своем классическом произведении по заботе о церкви, «Реформированный пастор»²². Давайте познакомимся с ним.

«БАКСТЕР, Ричард, джентльмен; родился 12 ноября 1615 в Раутоне, Сэллоп; учился в Доннингтонской государственной школе, Роксетер, и частно; рукоположен в дьяконы епископом Вустерским, Адвент 1639; директор школы Ричарда Фоули, Дадли, 1639; приходской священник Бриджнорта, 1639-40; приходской лектор в Киддерминстере, 1641-42; армейский капеллан в Ковентри, 1642-45, и при полке Уэллея (Армия Нового образца [армия, созданная Кромвелем во время Английской революции. – *Примеч. пер.*]), 1645-47; приходской священник Киддерминстера, 1647-61; участник Савойской конференции, 1661; жил как частное лицо в Лондоне или его пригородах, 1662-1691 (Мурфилдс 1662-63, Актон 1663-69, Тоттеридж 1669-73, Блумзбери 1673-85, Финзбери 1686-91); женился на Маргарет

Чарльтон (1636-81), 1662; заключен в тюрьму на одну неделю в Клеркенвелле, 1669, на двадцать один месяц в Саутуорке, 1685-86; умер 8 декабря 1691; автор книг «О бесконечном покое праведных» (*The Saints' Everlasting Rest*, 1650), «Реформированный пастор» (*The Reformed Pastor*, 1656), «Воззвание к необращенным» (*A Call to the Unconverted*, 1658), «Христианский справочник» (*A Christian Directory*, 1673), и еще 131 произведения, напечатанных при его жизни, а также *Reliquiae Baxterianae* (автобиография, под редакцией М. Сильвестра [Sylvester], 1696), пяти других посмертных изданий и множества неопубликованных трактатов; особые интересы: пасторская забота, христианское единство; увлечения: медицина, наука, история». Так, в стиле «Кто есть кто», позвольте представить вам Ричарда Бакстера, самого выдающегося пастора, благовестника и автора книг на практические и назидательные темы, из всех, кого породило пуританство.

Бакстер был большим человеком, достаточно большим, чтобы иметь большие недостатки и допускать большие ошибки. Блестящий независимый парламентарий, широко образованный, с изумительной способностью к мгновенному анализу, аргументации и убеждению, в дебатах он мог любого заткнуть за пояс, однако у него не всегда получалось лучшим образом использовать свою одаренность. Например, в богословии, как мы видели раньше²³, он разработал эклектический компромиссный вариант между реформатским, арминианским и католическим учением о благодати: толкуя царство Божье с позиций современных политических идей, он объяснял смерть Христа как акт вселенского искупления (как наказание и компенсацию, но не как замещение в строгом смысле), благодаря которому Бог принял новый закон, предлагая кающимся прощение и помилование. Покаяние и вера, будучи исполнением этого закона, составляют личную спасающую праведность верующего. Бакстер, пуританский консерватор, считал, что эта затейливая законническая схема передает как суть пуританского и новозаветного евангелия, так и общую, принятую всеми враждующими тринитарными богословскими системами того времени (кальвинистской, арминианской, лютеранской и римско-католической), часть учения о Божьей благодати²⁴. Другие, однако, считали, что «бакстерианизм» (или «неономизм», названный так, потому что в его центре была идея «нового закона») изменяет содержание евангелия, в то время как его «политический метод», если принимать его всерьез, был невыносимо рационалистическим. Время доказало их правоту; посеянные Бакстером семена принесли плоды неономианского модератизма в Шотландии и моралистического унитаризма в Англии²⁵.

Кроме того, Бакстер был не силен в общественной жизни. Хотя его всегда уважали за набожность и пасторское мастерство, и он всегда искренне стремился к доктринальному и церковному миру, его воинственная, осуждающая, учительная манера обращения с равными каждый раз обрекала на провал его миротворческие намерения. Более четверти века после изгнания нонконформистов в 1662 году он был ведущим выразителем их интересов, и отстаиваемый им идеал всестороннего человека был, без сомнения, достоин государственного деятеля²⁶, хотя самого Бакстера едва ли можно назвать государственным деятелем. Даже если его привычка к полной и безотлагательной откровенности («прямотушие») по всем вопросам богословия и служения была требованием совести, а не просто компенсацией комплекса неполноценности (пожалуй, отчасти верно и то, и другое), его неспособность на протяжении всей жизни заметить, что среди равных чрезмерная убежденность в своем превосходстве только вредит делу, была странным слепым пятном. Например, то, что в 1669 году он отправился к великому Джону Оуэну, с которым в прошлом ему приходилось скрещивать шпаги в богословии и политике, и надеялся заручиться согласием и поддержкой этого независимого лидера в продолжающемся церковном конфликте, было типично и восхитительно. То, что на встрече с ним Бакстер «сказал, что должен свободно общаться с ним, и что когда [он] размышлял о содеянном [Оуэном] прежде, то сильно опасался, что бывший таким великим разрушителем может и не стать орудием исцеления», хотя он был рад видеть, что в своих самых последних книгах

Оуэн отказался от «двух наихудших принципов популярности», было тоже типично, хотя и не столь восхитительно. Но то, что впоследствии он был удивлен, разочарован и уязвлен, когда Оуэн, на словах выражавший благосклонность, не предпринял никаких действий, на самом деле поразительно!²⁷ Очевидно то, что Бакстер оскорблял людей, относился к ним как к плутам или глупцам, а это никогда не способствовало приобретению друзей. Впрочем, сомнительно, что другое поведение или отсутствие Бакстера смогло бы что-нибудь изменить в прискорбных событиях (отвержение, изгнание, и притеснение пуританских пасторов) между Реставрацией (1660) и Актом о веротерпимости (1689), потому что страсти, интересы и подозрения разгорелись очень сильно. Однако, факт остается фактом, что благонамеренные, но придирические вмешательства Бакстера не раз усугубляли разделения, как, например, в 1690 году «Защита библейского евангелия» (*The Scripture Gospel Defended*), написанная им, чтобы прекратить вызванные проповедями Гобайаса Криспа волнения, привела к крушению «счастливого союза» между пресвитерианами и индипендентами практически еще до его начала²⁸.

Однако, как благовествующий пастор Бакстер был бесподобен. Его достижения в Киддерминстере были поразительны. Такого служения Англия прежде не видела, и к концу 1650-х многие в пуританской Англии признавали Бакстера примером для пасторов. В приходе Киддерминстера было примерно 800 семей и 2000 взрослых, большинство жили в самом городе, и Бакстер считал, что несет духовную ответственность за всех них. Как кажется, большинство из них пришли к твердой христианской вере за время служения Бакстера. Как это произошло? Говорят, что есть три правила успешного пасторства: во-первых, учить; во-вторых, учить; и в-третьих, учить! Бакстер – замечательный пример человека, который придерживался этих правил. Школьный учитель по натуре и по прошлому опыту, Бакстер обычно называл себя учителем вверенных ему людей, и, по его мнению, учительство – это основное занятие служителя. Поэтому, используя целый ряд дополнительных способов, он посвятил себя этому занятию²⁹.

В своих регулярных проповедях (одна в воскресенье и одна в четверг, каждая час длиной) он учил основам христианства.

То, что я ежедневно открывал для них, и с величайшей назойливостью старался отпечатать в их разуме – это великий фундаментальный принцип христианства, содержащийся в их завете крещения, это правильное познание Бога, вера в Бога, покорность Богу Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и любовь ко всем людям, и согласие с церковью и друг с другом. <...> Требуется долгое время, чтобы раскрыть истинный и полезный метод Символа веры (или учения о вере), молитвы Господней (или вопроса о наших желаниях) и Десяти заповедей (или закона для поступков), который во многом может пополнить знания исповедующих религию. И когда это будет сделано, их следует вести дальше... но не так, чтобы слабые отстали; и все это надлежит делать в подлинном подчинении великим положениям о вере, надежде и любви, о святости и единстве, которые должно постоянно насаждать как начало и конец всего³⁰.

Такова была программа Бакстера, согласно которой он учил с кафедры.

Кроме того, он еженедельно проводил пасторский вечер общения и молитвы³¹; он распространял Библии и христианскую литературу (в счет авторского гонорара ему бесплатно доставалась одна пятнадцатая часть каждого издания написанных им книг, которые он и раздавал); и он наставлял людей через личное душепопечение и катехизацию (обучение основным положениям веры в форме вопросов и ответов. – *Примеч. пер.*), принимая в собственном доме каждый понедельник и вторник во второй половине дня по семь семей, уделяя час каждой из них (всего по семь часов), и таким образом, за год он беседовал практически со всеми семьями прихода. (Несколько семей отказались посещать его для этой цели, но немного.) Христиане, настаивал он, должны регулярно приходить к пастору со своими проблемами и позволять ему проверять их духовное здоровье³², а служители должны регулярно катехизировать всю церковь³³. Подъем личной катехизации с

уровня элементарной подготовки детей до постоянной составляющей благовестия и пасторской заботы для любого возраста был основным вкладом Бакстера в развитие пуританских идеалов служения; и именно его забота о катехизации привела к рождению «Реформированного пастора».

Члены Вустерширской Ассоциации, содружества служителей церкви, душой которого был Бакстер, постановили принять для себя методику систематической приходской катехизации по плану Бакстера. Они назначили день поста и молитвы, чтобы искать Божьего благословения для этого предприятия, и попросили Бакстера проповедовать. Однако, когда настал этот день, Бакстер был слишком болен и не мог прийти; поэтому он опубликовал подготовленный им материал, основательное разъяснение и применение стиха Деяния 20:28. Из-за своей прямолинейности при обличении и увещании собратьев-служителей, он назвал свое произведение «Gildas Salvianus», в честь двух писателей пятого и шестого веков, которые также не стеснялись говорить о грехе, и добавил подзаголовок «Реформированный пастор». Но на титульном листе первого издания³⁴ особенно выделяется слово «реформированный» в подзаголовке, напечатанное более крупным и жирным шрифтом, чем все остальное, и наверняка Бакстер так и хотел. Под словом «реформированный» он не имел в виду сторонника кальвинизма (хотя в каком-то смысле сам он был кальвинистом и хотел, чтобы другие разделяли его убеждения по этому вопросу); скорее, он имел в виду «оживший, обновившийся» в поступках. «Если Бог всего лишь обновит духовенство, – писал Бакстер, – и поставит их ревностно и верно выполнять свои обязанности, то и народ явно преобразится. Все церкви поднимаются или падают соответственно тому, поднимается или падает духовенство, не в богатстве или мирском величии, но в познании, ревности и способности делать свое дело»³⁵. Бакстер стремился к «подъему» духовенства именно в таком смысле.

«Реформированный пастор» – это высочайшее выражение сердца Бакстера как пуританского благовестника, и это производит громадное впечатление. Благовестие как выражение христианской любви через труд служения – вот главная тема этой книги, и ее духовная искренность, честность, энергия и прямота практически лишают мужества. Часто говорят, и, в принципе, это так, что любой христианин, который всерьез думает, что без Христа люди погибают, и который всерьез любит ближнего своего, не может найти покоя от мысли, что все окружающие его люди направляются в ад, но без остатка отдает себя на то, чтобы первостепенной задачей его жизни стало обращение других; и любой христианин, который не ведет себя так, подрывает доверие к своей вере, ведь если он сам не может серьезно относиться к ней как к задающей приоритеты для его собственной жизни, то почему кто-то еще будет относиться к ней серьезно как к источнику руководства для других? Но «Реформированный пастор» умирляет такие мысли, потому что здесь в лице Ричарда Бакстера мы встречаем чрезвычайно откровенного и искреннего христианина, который думает, говорит и поступает совершенно последовательно в этом отношении, будучи готов терпеть любую степень неудобства, бедности, переутомления и лишения материальных благ, если это послужит спасению душ. Когда человек знает, что через две недели его повесят, говорил доктор Джонсон, то это придает удивительную собранность его уму; и когда человек, подобно Бакстеру со времени его совершеннолетия, всю жизнь стоит одной ногой в могиле, это придает потрясающую ясность как его чувству соразмерности (что важно, а что нет), так и его чувствительности к тому, что согласуется, а что не согласуется с исповедуемой им верой.

«О, сэры», – взывает Бакстер к своим коллегам-служителям (мирянам это тоже стоит послушать), –

конечно, если бы все вы так же часто беседовали с близкой смертью, как я, и так же часто имели приговор в самих себе, то у вас была бы беспокойная совесть, если не преобразенная жизнь, в отношении вашего усердия и верности в служении; и внутри вас было бы нечто, часто задающее вам такие вопросы: «И это все твое сострадание к погибающим грешникам? И больше ты ничего

не сделаешь, чтобы взыскать и спасти их? <...> Пусть они умирают и идут в ад, прежде чем ты скажешь им хоть одно серьезное слово предостережения? Пусть они там вечно проклинаят тебя, что ты в свое время ничего больше не сделал для их спасения?» Такие укоры совести каждый день звучат в моих ушах, хотя, Господь знает, я слишком мало внимал им. <...> Какой может быть у вас выбор, когда вы опускаете труп в могилу, и при этом думаете: «Вот лежит тело, а где же душа? Что я сделал для нее, прежде чем она отошла? Это входило в мои обязанности; какой ответ я дам за нее?» О сэры, может, для вас мало значат ответы на такие вопросы? Сейчас может казаться так, но наступает час, когда так уже не покажется...³⁶

Никто не может сказать, что Бакстер неверно представляет реальность; и кто будет сомневаться, что сегодня нам очень нужно такое же представление, и, прежде всего, в служении?

К тому же, эта книга не только говорит о *реальности*, но и дает пример *рациональности* в связи с благовестием. Бакстер очень тщательно разрабатывал средства для достижения поставленной цели. Подобно Уайтфилду и Сперджену, он знал, что люди слепы, глухи мертвы по грехам, и что только Бог может обратить их; но, снова подобно Уайтфилду и Сперджену, он также знал, что Бог действует через средства, и что к разумному человеку следует подходить разумным образом, и что благодать входит через понимание, и что пока вся жизнь благовестника не будут укреплять доверия к нему, его слова едва ли много послужат для убеждения. И поэтому Бакстер настаивал, что служители должны проповедовать о вечных вопросах как люди, которые принимают близко к сердцу то, что говорят, и которые настолько серьезны, насколько того требуют вопросы жизни и смерти; что они должны прибегать к церковной дисциплине, чтобы показать серьезность слов, что Бог не потерпит греха; и что они должны заниматься «личной работой», заниматься с людьми поодиночке, потому что одной только проповедью часто не удается донести все до простых людей. Бакстер очень открыто это признавал.

Пусть те, кто больше всего усердствовал в публичном служении, проверят своих подопечных, и посмотрят, многие ли из них не так же невежественны и беззаботны, как никогда не слышавшие евангелия. Что касается меня, я стараюсь говорить так просто и выразительно, как только могу... и, однако, я часто встречаю людей, которые были моими слушателями восемь или десять лет, и которые не знают, Бог ли Христос или человек, и удивляются, когда я рассказываю им историю о Его рождении, жизни и смерти, словно они никогда раньше ее не слышали. <...> Но большинство из них имеет безосновательное упование на Христа, надеясь, что Он простит, оправдает и спасет их, тогда как сердца их принадлежат миру сему, и живут они для плоти. И это упование они принимают за оправдывающую веру. Я убедился на собственном опыте, что некоторые невежественные люди, которые так долго были ничего не получающими слушателями, обретают гораздо больше познания и сокрушения за полчаса личной беседы, чем за десять лет слушания проповедей. Я знаю, что публичная проповедь евангелия – самое превосходное средство, потому что так мы обращаемся сразу ко многим. Но зачастую гораздо более действенной оказывается личная проповедь конкретному грешнику...³⁷

Следовательно, личная катехизация и душепопечение, в дополнение к проповеди, это обязанность каждого служителя: ведь это самый рациональный курс, лучшее средство для достижения поставленной цели. Так было во дни Бакстера. Но разве сейчас это не так?

Один из нежелательных побочных эффектов процесса формализации, приведшего к появлению современного типа благовестия, это распространение идеи, что благовестие требует особого навыка, доступного лишь немногим. Разумеется, для служения обращения Бог употребляет одних пасторов больше, чем других, но Бакстер настаивает, что каждый пастор должен учиться трудному искусству достигать душ. Он пишет:

Увы! Как мало знающих, как следует обращаться с невежественным, мирским человеком для его обращения! Как сойтись с ним и одержать победу; приспособить нашу речь к его состоянию и нраву; выбрать самые подходящие темы, и придерживаться их со святым сочетанием

серьезности, и страха, и любви, и кротости, и евангельской притягательности – о! кто способен к сему? Я серьезно признаю, что мне кажется, судя по опыту, что правильно вести беседу с таким плотским человеком, чтобы изменить его, это такое же трудное дело, как и проповедь. <...> Все эти наши трудности должны побуждать нас к святой решимости, подготовке и прилежанию...³⁸

Каждый пастор – это благовестник, заботящийся о душах конкретных людей, вот пуританская формула Бакстера. Некоторые будут делать это более плодотворно, но к этому служению призваны все, и все должны в нем участвовать. В этом и состоит трудность пуританского благовестия.

«Реформированный пастор» ставит перед современным служителем, по крайней мере, следующие вопросы. (1) Верю ли я в то же евангелие, в которое верил Бакстер (и Уайтфилд, и Сперджен, и Павел), в историческое, библейское евангелие падения, искупления и возрождения? (2) И тогда, разделяю ли я представление Бакстера о том, что обращение крайне необходимо? (3) И тогда, настолько ли реально, как это должно быть, я позволяю этому представлению формировать мою жизнь и дела? (4) Так ли я рационален, как должно, в выборе средств для достижения цели, которой я желаю добиться, и к которой обязан стремиться, а именно, для обращения всех людей, у которых я пастор? Настроил ли я себя, как настроил Бакстер, на то, чтобы искать лучшие пути для создания ситуаций, в которых я мог бы лично разговаривать со своими людьми об их духовной жизни, и делать это регулярно? Как это делать сегодня, нужно прорабатывать с учетом современной обстановки, а она сильно отличается от той, которую знал и о которой говорил Бакстер³⁹; но к нам обращен вопрос Бакстера, не должны ли мы пытаться заниматься этим, как делом постоянно и крайне необходимым? Если он убеждает нас, что должны, то явно не будет сверх наших сил отыскать способ действительно это делать в нашей ситуации; где хотенье, там и уменье!

Основной принцип Бакстера состоит в том, что благовестие должно быть постоянным приоритетом в жизни церкви. Он трудился над этим в обстановке клерикализма, которую пуритане унаследовали от средневековья, и за которую они держались в противовес мирской анархии, как они считали, во время Междоцарствия (1649-60, период Английской республики и Протектората. – *Примеч. пер.*); поэтому естественно, что в своем рассуждении он ограничивается только ролью пастора, и говорит о служении благовестия для невольных слушателей и для отдельных членов общины как об исключительной обязанности пастора. Благовестие, как его изображает Бакстер, по сути своей катехизическое и дидактическое, и эта особенность соответствует глубокому доктринальному невежеству, которое в то время было характерно для мирян полу-сельского Вустершира, если не считать нескольких исключений в его собственной церкви. В наше время дела обстоят иначе: церкви на Западе – небольшие вкрапления в светском обществе; благовестие направлено прежде всего на тех, кто еще не пришел в церковь; и в нем участвуют сведущие простые члены церкви, как это и должно быть⁴⁰. Переноса подход Бакстера на современную ситуацию, мы не должны терять из виду этих отличий. Но то, о чем пишет Бакстер – что пасторам нужно серьезно смотреть за своей жизнью, серьезно вникать в духовные нужды каждого члена своей паствы и служить им, прилагая все усилия, чтобы эти члены прежде всего были полностью обращены и поистине возрождены – до сих пор применимо; и именно на это направлено основное внимание пуританского типа благовестия в наш или в любой другой век.

Г. К. Честертон сказал: не то, чтобы испробовав христианство, его признали неподходящим, но его признали трудным, и неиспробованным. Не должны ли мы честно сказать то же самое о пуританском благовестии?

- ¹ Я обсуждаю это определение и необходимость его изменения в книге «Проповедь Евангелия и всевластие Бога» (*Evangelism and the Sovereignty of God*, Inter-Varsity Press: London and Downers Grove, 1961), pp 37-41. (Есть издание на русском языке: Дж. И. Пакер. Слова Бога. Проповедь Евангелия и всевластие Бога. Мн.: Церковь «Завет Христа», 2001. – *Примеч. пер.*)
- ² Samuel Clarke, *Lives of Fifty-two English Divines* (3rd edition, 1677), pp 131, 222, etc.
- ³ Томас Гудвин и Филип Най в предисловии к книге Томаса Хукера «Приложение искупления» (Thomas Hooker, *The Application of Redemption*, 1659).
- ⁴ Charles G. Finney, *Revivals of Religion* (Oliphants: London, 1928), chap XIV, p 304.
- ⁵ *Ibid*, chap I, p 3.
- ⁶ Finney, *Autobiography* (Salvation Army Book Dept, nd), p 64.
- ⁷ B. B. Warfield, *Perfectionism, Works of B. B. Warfield*, vol VIII (reprinted Baker Book House: Grand Rapids, 1981), 11:34.
- ⁸ John Owen, *Works*, ed William Goold (Johnstone and Hunter: Edinburgh, 1850-53), III:316f. (Первые шестнадцать томов этого издания были переизданы репринтом издательством Banner of Truth Trust, 1965-68.)
- ⁹ Thomas Watson, *A Body of Divinity* (Banner of Truth: London, 1958), p 154. (Есть издание на русском языке: Томас Ватсон. Основы практического богословия. Dutch Reformed Tract Society, 2002. – *Примеч. пер.*)
- ¹⁰ Owen, *Works*, III:317f.
- ¹¹ «Вестминстерское исповедание веры», 10:1.
- ¹² Thomas Goodwin, *Works*, ed J. Miller (James Nichol: London, 1861) IX:279.
- ¹³ *Ibid*.
- ¹⁴ Owen, *Works*, VIII:5-41.
- ¹⁵ *Ibid*, VIII:14-16.
- ¹⁶ Jonathan Edwards, *Works*, II:849f.
- ¹⁷ *Ibid*, 1:353.
- ¹⁸ Goodwin, *Works*, VI:85.
- ¹⁹ *Reliquiae Baxterianae*, ed M. Sylvester (London, 1696), first pagination, p 7.
- ²⁰ Выше, третья глава.
- ²¹ *Reliquiae Baxterianae*, first pagination, pp 83, 86.
- ²² Richard Baxter, *The Reformed Pastor* (Banner of Truth: London, 1974).
- ²³ Выше, девятая глава.
- ²⁴ См.: *Richard Baxter's Catholick Theologie: Plain, Pure, Peaceable: for the Pacification of the Dogmatical Word-Warriours* (1675).
- ²⁵ Выше, девятая глава.
- ²⁶ Об еклесиологических идеях Бакстера см.: Ivonwy Morgan, *The Nonconformity of Richard Baxter* (Epworth Press: London, 1946), и A. Harold Wood, *Church Unity without Uniformity* (Epworth Press: London, 1963).
- ²⁷ *Reliquiae Baxterianae*, second pagination, pp 61-69.
- ²⁸ См.: Peter Toon, *The Emergence of Hyper-Calvinism in English Non-conformity 1689-1765* (The Olive Tree: London, 1967), chap 3; 'Puritans and Calvinism' (Reiner: Swengel, 1973), chap 6.
- ²⁹ «... Служитель в церкви, как учитель в школе, должен учить и быть в ответе за каждого в отдельности; и... все христиане, обыкновенно, должны быть учениками или школьниками в одной из таких школ» (*The Reformed Pastor*, pp 180f).
- ³⁰ *Reliquiae Baxterianae*, first pagination, pp 93f.
- ³¹ «Каждый *четверг* вечером мои соседи... собирались в моем доме, и один из них напоминал проповедь, и после этого они высказывались, какие у них были сомнения насчет проповеди, или какие-нибудь другие вопросы совести, и я рассеивал их сомнения; а в самом конце я просил иногда одного, иногда другого из них помолиться» (*ibid*, p 83).
- ³² Baxter, *The Reformed Pastor*, pp 86ff, 170ff.
- ³³ Бакстер подробно описывает, как он это делает, в «Реформированном пасторе» (*The Reformed Pastor*, pp 162ff).
- ³⁴ Он воспроизведен напротив с. 51 в издании Вилкинсона: J.T. Wilkinson's edition of *The Reformed Pastor* (Epworth Press: London, 1939).
- ³⁵ *Reliquiae Baxterianae*, first pagination, p 115.
- ³⁶ *The Reformed Pastor*, pp 194f.
- ³⁷ *Ibid*, pp 186f.
- ³⁸ *Ibid*, p 193.
- ³⁹ *Ibid*, pp 173ff, 221-246.
- ⁴⁰ На самом деле, участие мирян спонтанно возникло в Киддерминстере: «У меня было еще одно преимущество, благодаря *рвению* и *усердию* благочестивых людей... жаждавших спасения своих соседей, и ставших моими добровольными помощниками, разбросанными по всему городу, готовыми практически в

любой компании обуздывать обольстительные слова и вступаться за благочестие, убеждать, укорять, увещать людей смотря по их нужде; а также учить их молиться; и помогать им святить день Господень; ведь те люди, у кого в семье никто не мог молиться или пересказывать проповеди, шли в дом к своим соседям, которые могли это делать, и присоединялись к ним; так что на каждой улице *некоторые дома* (самых искусных людей) наполнялись теми, кто не мог ничего, или почти ничего, сделать сам» (*Reliquiae Baxterianae*, first pagination, p 87).